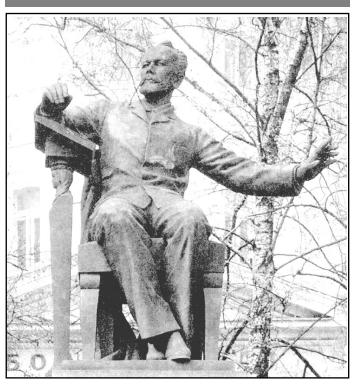
Российский музыкант

№ 1 (1223)
январь – февраль
2004
Выходит
с 1938 года

ГАЗЕТА МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ИМЕНИ П.И.ЧАЙКОВСКОГО



ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

В середине декабря ушедшего года в рамках культурного обмена состоялась интересная творческая поездка группы педагогов и студентов Московской консерватории в Италию. С нашей стороны это был ответный визит. Ранее, в феврале 2003 года итальянские педагоги и студенты приезжали к нам.

Нас принимала консерватория имени Умберто Джордано города Фоджиа (провинции Фоджиа, земли Пулия на юго-востоке Италии), с которой у Московской консерватории установились тесные дружеские и художественные связи. Главной идеей подобных встреч, на мой взгляд, должно быть совместное творчество сторон, результатом которого становится взаимное обогащение. Так было и в этот раз, и наш визит в этом смысле оказался очень насыщенным. Тем более, что по времени он совпал с предрождественскими днями, наполненными музыкой. На программмке совместного концерта с нашим участием также стоял гриф — «Рождественский концерт» (Concerto di Natale).

В группу Московской консерватории входило15 человек: ректор консерватории проф. А.С.Соколов (руководитель делегации), проф. П.И.Скусниченко, проф. П.Б.Ландо, проф. И.В.Осипова., ассистент В.Юницкий и 10 студентов: вокалисты Светлана Абзалова, Елена Бычкова, Анна Викторова, Андрей Архипов, Роман Бобров, Михаил Векуа, оркестранты Мария Акинфина (флейта), Владимир Завазальский (гобой), Светлана Микляева (скрипка) и музыковед Екатерина Дубравская (свободно владеющая итальянским). Выбор не был произвольным — поездка в Италию бесценна именно для вокалистов, поэтому они составили основную часть нашей группы, оркестрантов конкретных инструментов попросили включить итальянцы — на симфоническом концерте, где исполнялась Девятая симфония Бетховена с нашими солистами-вокалистами, оркестром консерватории им. Умберто Джордано под управлением дирижера Бенедетто Монтебелло, московские студенты-инструменталисты сели в оркестр.

Творческая жизнь всей делегации оказалась очень нагруженной. За десять дней пребывания в Италии нами было дано четыре концерта в различных залах и городах. В самой консерватории Фоджии состоялась большая встреча с коллективом итальянской консерватории, которую вел А.С.Соколов, рассказав о системе музыкального образования в России и о нашей консерватории, в частности, и ответив на многочисленные вопросы. Проф. Скусниченко, дирижер оперной студии проф. Ландо и асс. Юницкий (ассистент проф. Алиханова по классу камерного ансамбля) провели в консерватории Фоджии три мастер-класса. Наконец, венцом исполнительской программы стало участие наших певцов в исполнении Девятой симфонии Бетховена. Она прозвучала дважды в разных залах.

Наряду с напряженными занятиями для нас была организована интересная познавательная программа. Мы побывали в оперном театре Фоджии («Сельская честь» Масканьи и «Паяцы» Леонкавалло с Джузеппе Джиакомини в роли Канио). Хотя климатически, может быть, декабрь — не лучшее время для посещения Италии, но на экскурсиях нам представилась замечательная возможность увидеть многие исторические места и природные красоты этой удивительной страны, и, конечно, мы в полной мере ощутили радость яркого итальянского солнца и аромат Адриатического моря.

Люди, окружавшие нас, дарили нам тепло своей заботой и вниманием, что согревало еще сильнее итальянского солнца. Конечно, как любая подобная поездка, не обошлось без трудностей (это и постоянная проблема с транспортом, так как жили мы не в черте города, и, мягко говоря, прохлада в помещениях, жилых, и концертных, поскольку в стране с жарким климатом всё приспособлено в большей степени для охлаждения, чем для обогрева, и неожиданная сложность по пути назад из-за опоздания автобуса, который должен был нас доставить в аэропорт). Однако все подобные недоразумения по прошествии времени забываются, а остаются только яркие впечатления и ощущение душевного родства с людьми, с которыми пережиты и успех и трудности.

И естественное желание когда-нибудь в будущем еще раз побывать в этих прекрасных местах.

Проф. И.В.Осипова

На снимке сверху (слева направо): проф. И.В.Осипова, проф. П.И.Скусниченко, проф. А.С.Соколов, ректор консерватории Фоджии Марио Руччи, проф. П.Б.Ландо. На снимке снизу: Елена Бычкова (сопрано) и Ирина Осипова (фортепиано).

ВСТРЕЧА С РЕКТОРОМ

СВОБОДНЫЙ РАЗГОВОР

29 декабря 2003 года, в Рахманиновском зале, состоялась студенческая конференция, на которой ректор Консерватории, профессор Александр Сергеевич Соколов отвечал на вопросы студентов. Темой разговора, состоявшегося по инициативе студентов, были разные проблемы современной консерваторской жизни. И глобальные, такие как ближайшее будущее Московской консерватории, судьба консерваторских зданий, финансовое состояние нашего вуза. И конкретные, касающиеся каждодневных забот — пользование классами, залами, студией звукозаписи, взаимодействие композиторского факультета с другими факультетами, возможности исполнения новых сочинений студентов-композиторов. Ответы ректора прояснили многое.

Для начала давайте уточним смысл нашего сегодняшнего собрания. Наверное, конференция, как вы прочли на объявлении, не совсем точное слово. Ведь «конференция» — это некое обязательство принять определенное решение. Сегодня у нас более свободный разговор, и после мы решим, надо ли наши встречи делать регулярными. Объективно говоря, всегда есть, о чем поговорить. С того момента, как я студентом переступил порог Московской консерватории, и по сей день я узнаю о ней что-то важное. Наверное, вам это тоже предстоит. И если мы поможем вам в чем-то разобраться, вникнем в ваши проблемы, которые, может быть, отличаются от проблем студента вчерашнего — это уже будет хорошо. В последнее время мне часто приходится разъяснять журналистам, чем живет Консерватория и каковы ее настоящие проблемы. Не надуманные, а настоящие. Поэтому, наверное, и внутри самой Консерватории имеет смысл такую ясность внести, чем мы, в частности, постоянно занимаемся на заседаниях нашего Ученого совета.

Год назад в это время мы были с вами в не очень новогоднем настроении. Как вы помните, пахло гарью, 17 декабря здесь полыхал пожар. Год прошел, какие-то проблемы решены, какие-то еще ждут своего решения, какие-то только проясняются. Конструкция нашего здания исходит из акустических требований: стены внутри, на протяжении метра, заполнены воздушной паклей, благодаря которой у нас такая замечательная акустика. Так вот, все это горит как порох, и когда в 9-м классе внутренняя проводка закоротила, огонь пошел наверх и три класса оказались зоной пожара. Когда тушили, то много часов лили воду, для того чтобы тлеющее впоследствии не загорелось само собой.

Сейчас мы ждем, чтобы высохло здание, потому что делать что-то раньше, значит абсолютно бесполезно тратить деньги. Но и ходить по этому пожарищу тоже невесело. Поэтому мы приняли решение все-таки сделать приличествующий Консерватории интерьер: обшили стены гипсокартоном и по нему покрасили. Так что не обольщайтесь — это еще не ремонт. А настоящий ремонт — очень серьезная вещь, он требует длительного времени и больших вложений. Во-первых, подгорели деревянные перекрытия, а во-вторых, даже не подгоревшие они не были рассчитаны на нагрузку, которую вынуждены нести. Раньше не было богатейших фондов библиотеки, которые своей тяжестью на них давят, не было таких аншлагов на концертах Малого зала, и, собственно, студентов в таком количестве тоже не было. Все это вместе взятое создает истинную проблему Консерватории сегодняшнего дня.

Но это беда и всего центра Москвы. Вокруг Консерватории сжимается кольцо геодезических проблем, связанное и с тем, что Манежную площадь всю перекорежили, и с тем, что холм под Ленинской библиотекой в свое время тоже перекроили. В результате нарушили природный баланс, и все речки, загнанные под землю, от которых остались только названия улиц — Варварка, Неглинка, Знаменка — творят под землей, что сами считают для себя необходимым. Сегодня главная проблема в грунтах. И тяжесть, которой Консерватория давит на эти грунты, уже в несколько раз превосходит расчеты, сделанные при строительстве здания. Сейчас уже проведена очень серьезная экспертная работа, на основе современных технологий, компьютерной томографии «просвечены» все несущие конструкции и весь фундамент. Этот результат представлен, и на основании имеющихся материалов министр провел представительное совещание, на котором были приняты важные решения.

Самое главное, что ситуация сейчас оценивается объективно. Впервые за всю историю Консерватории. Ведь то, что раньше ремонтировали, это было не решением проблем, а их усугублением, поскольку без научного диагноза можно было много чего напортачить, что и было сделано и под Большим залом, и под Малым. Проще говоря, существует опасность обрушения. В первом амфитеатре зоны, которые нависают над второй и пятой ложами, где наибольшая нагрузка на опорные конструкции, мы закрыли, чтобы не рисковать. Пока другие зоны такого рода опасности не представляют. Большой зал будет функционировать, вся Консерватория будет функционировать, никакого отселения Консерватории куда бы то ни было не будет — это я вам совершенно точно говорю, поскольку в прессе вы можете прочесть все, что угодно. Будет длительный и тщательный ремонт. Не одномоментное вторжение во все фундаменты, а точечное: по местам, просчитанным экспертизой, начнут укреплять и достраивать эти фундаменты. Потому что ошибки были заложены уже при строительстве Консерватории. Вся эта махина кое-где стоит на фундаменте меньше полуметра — можете себе представить?! А в некоторых местах фундамент просто висит в воздухе, поскольку вымыло грунт. Это тоже крайне опасно. Вот такие зоны начнут ремонтировать в первую очередь. То есть это не реставрация и не реконструкция, это мощный капитальный ремонт.

Вы можете спросить: а как с фасадами? Как с этими лесами? К сожалению, это пример «потемкинской деревни». На протяжении трех лет огромные государственные деньги шли на ремонт фасадов с четким представлением, что работа будет бесполезна. Потому что, когда здание начинает привыкать к новому фундаменту, а оно как живой организм осваивает новое пространство, по фасаду обязательно пойдут сетчатые трещины. На последнем заседании в министерстве в очередной раз пришлось остро поставить этот вопрос и, наконец, получить четкий ответ, что такого рода использования финансов больше не будет. А будет серьезное изменение режима финансирования, в соответствии с которым министр культуры в ближайшее время будет встречаться с премьер-министром М.Касьяновым, и уже в 2004 году из резерва правительства (поскольку это форс-мажор чистейший, МЧС-ситуация!) будут изысканы 70 миллионов, которые пойдут только на фундамент.

А в дальнейшем, в федеральном плане будет прописано финансирование, которое позволит в обозримые сроки (а сроки поджимают объективно — в 2006 году конкурс Чайковского) с Большим залом закончить. Все, что касается его конструктивных особенностей, акустического потолка, перекрытий партера, надо успеть до 2006 года. Режим будет такой: мы с двух концов подожмем концертный сезон, то есть сентябрь и июнь и все лето будут отданы на ремонтные работы.

Наши сегодняшние проблемы, связанные с угрозой обрушения, вы должны себе четко представлять. Мне понятно ваше желание во что бы то ни стало проникнуть на интересные концерты в Большой зал. И мы, когда был студентами, так же прорывались через кордоны, так же скапливались за шторами. Но поймите правильно: сейчас нельзя этого делать! Именно сейчас, когда Большой зал под угрозой. И поневоле будет разумный допуск. Он естественно подразумевает, что по студенческим билетам, на концерты, которые представляют профессиональный интерес, но не являются эпатажными, студентов пропускать будут. Но помните, что Большим залом пользуется не только Консерватория — лишь половина времени наша.

Теперь о финансовой жизни Консерватории. Откуда берутся наши деньги? Во-первых, это государственные деньги, то есть бюджет, и они идут на зарплату и стипендию. Помимо этого есть деньги, которые Консерватория сама зарабатывает на обучении иностранных студентов, эти деньги практически целиком идут на оплату труда ваших профессоров. И есть еще деньги от концертной деятельности, которая сейчас все больше и больше сокращается, но эти деньги тоже идут на поддержку коллектива, на всех консерваторцев. И, наконец, есть еще деньги от аренды территорий, где находятся наши службы, но их нельзя использовать ни на что иное, кроме как на само хозяйство.

Вы спрашиваете, с чем связано, что студенты Консерватории получают меньшую, по сравнению со студентами других вузов, стипендию? Отвечаю: есть государственное финансирование, которое одинаково во всех вузах. Никаких отклонений нет. 1000 рублей получает аспирант, 400 рублей — студент. Наряду с этим есть дополнительные возможности, которые у разных вузов разные. У нас есть именные стипендии, это внебюджетные деньги, которые мы направляем для студентов. Помимо этого есть стипендии мэрии Москвы, есть президентская стипендия — они все в пределах 600 рублей. И еще есть материальная помощь — это 1500 рублей.

Теперь об учебе. Вы просите увеличить время выдачи классов по утрам и вечерам. Здесь должен быть здравый смысл. Студентов-органистов уже пускают с семи утра, поскольку у нас не хватает инструментов. Вы знаете, в Белом зале мы поставили новый орган — это подарок Швейцарии, сам Белый зал мы будем активно делать летом. Но после 22 часов категорически нельзя заниматься — это общее правило безопасности. Что же касается утренних часов, то не надо забывать, что у нас в очень сложном режиме работают настройщики, и без того состояние инструментов далеко от желаемого. Так что существующий режим — вынужденно оптимальный.

О возможностях использования звукозаписи в наших залах. Мы очень хорошо оснастили свою студию звукозаписи. Писать мы можем всё и пишем всё, что считаем нужным. Я не припомню ни одного случая, когда заявление, поданное в ректорат на запись любого концерта, не получило бы подтверждения. Разумеется, не каждый концерт того требует, но все, что имеет какую-нибудь ценность, мы записываем. Когда речь идет о высококачественной записи — это Большой и Малый залы. В Рахманиновском это, скорее, рабочие записи, туда надо носить аппаратуру. Но нужно не забывать об очень плотном графике работы всех залов консерватории.

Наконец, больной вопрос об исполнении новых сочинений студентов-композиторов. Меня очень коробит тот факт, что когда студенту-композитору нужно показать свое «дитя» на концерте, и он просит коллегу с другого факультета исполнить сочинение, этот коллега начинает торговаться, мол, сколько это стоит. Я думаю, что это не консерваторская атмосфера. Слово «халтура» не сегодня появилось. Но не здесь! Не в этих стенах! Поэтому в планах студентов оркестровых факультетов обязательно должно быть хотя бы одно исполнение сочинения, написанного студентом-композитором. Что же касается госэкзаменов, у нас вообще-то уникальная ситуация. Нигде — ни в Питере, ни за рубежом — такой ситуации нет. Всюду композиторы, завершающие учебные заведения, показывают свои сочинения либо в компьютерной реализации, либо под рояль. Живой оркестр — это очень дорого! А у нас есть специальные договоры с такими коллективами, как оркестр В.Федосеева, оркестр Министерства обороны. Для симфонической музыки. А камерную музыку выпускников с этого года будет исполнять наш ансамбль «Студия новой музыки» (художественный руководитель проф.В.Тарнопольский, дирижер проф.И.Дронов). Этот очень известный в мире коллектив принимает участие во многих международных фестивалях, постоянно играет музыку композиторов Московской консерватории, как педагогов, так и студентов.

Записала
студентка IV курса
Ольга Подкопаева

ФАКУЛЬТЕТ

ЖИВЕМ ДРУЖНО И ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННО

Мы открываем новую рубрику. О достижениях и проблемах консерваторской жизни расскажут деканы. Наш первый собеседник — декан композиторского факультета, профессор А.А.Кобляков.

Александр Александрович, что нового на факультете? С какими успехами вы вступаете в 2004 год?

Прежде всего, это организация — впервые в истории Консерватории! — электро-акустического центра, чего мы добивались в течение целого ряда лет. И здесь необходимо поблагодарить ректорат и лично ректора проф. А.С.Соколова за постоянную помощь и поддержку в решении этой проблемы. Теперь на базе центра ведется курс электронной композиции, который читает мой ученик, высокоталантливый композитор А.В.Райхельсон, ныне преподаватель Консерватории. Он специалист в области электроники, прошел стажировку в Париже. Кстати, Парижская консерватория сыграла огромную роль в оснащении МГК электронным оборудованием и продолжает курировать нас в этом вопросе. Из прочих успехов отмечу создание клуба молодых композиторов. Его организаторы — К.Бодров и А.Гущян, одаренные студенты, энтузиасты своего дела. За короткий срок состоялись творческие встречи с крупными мастерами, среди которых Р.Щедрин, Г.Канчели, С.Губайдулина, А.Эшпай, Э.Артемьев, В.Екимовский, Ю.Каспаров, В.Мартынов и др. Кроме того, мы упорядочили концертную сферу — важное звено обучения композиторов. Дни и залы — на целый год вперед!— теперь известны заранее, для участия в концерте сейчас необходима рекомендация ведущего профессора. Есть постоянное концертное бюро (все те же К.Бодров и А.Гущян), постоянная ведущая (молодой педагог Анжелика Комиссаренко), для рекламы наших концертов начали использовать интернет (здесь неоценимую помощь оказывает нам педагог Ирина Анатольевна Дубкова) и т.д. Концерты всякие — студенческие, аспирантские, педагогические, мемориальные, тематические, причем возросло не только их количество, но, что самое главное, качество! В последнее время крепнут наши связи с ансамблем «Студия новой музыки» (художественный руководитель — проф. В.Г.Тарнопольский, дирижер — И.А.Дронов), с камерным оркестром Консерватории (художественный руководитель — С.Д.Дяченко), с учебным симфоническим оркестром (руководитель — профессор Л.В.Николаев). Все это не может не радовать. Дипломные произведения наших выпускников звучат в исполнении лучших оркестров, в том числе прославленного ГАСО. Особо хочется отметить концерт в Большом зале, 1 декабря. Впервые за всю свою историю знаменитый БСО под управлением В.И.Федосеева играл сочинения наших воспитанников. Выступление оказалось настолько успешным, что Владимир Иванович решил провести подобный концерт и в следующем году.

Не секрет, что участие в конкурсах — важная составляющая образования музыканта. Есть ли у факультета своя конкурсная политика?

За последнее время были организованы конкурсы «Орфей. Мистерии» (его инициатором стала высокоэрудированная И.И.Силантьева, педагог Консерватории) и органный конкурс (совместно с кафедрой органа проф. Н.Н.Гуреевой). Еще один органный конкурс пройдет в марте этого года. Планируем конкурс на лучшую студенческую оперу, причем опера-победительница будет поставлена. Особо отмечу организованный совместно с Парижской консерваторией первый франко-русский конкурс студентов-композиторов. В прошлом году он закончился победой Марины Хорьковой (класс проф. В.Г.Агафонникова). Марина отправилась в Париж, где было исполнено ее сочинение. Сейчас завершился второй такой конкурс, и на сей раз победил французский студент Ризо-Салом. Его музыка прозвучит 29 февраля в Рахманиновском зале. Кстати сказать, целый ряд наших студентов — лауреаты международных композиторских конкурсов, как отечественных, так и зарубежных. Наряду с конкурсами, мы участвуем и в фестивалях, причем не только в «Московской осени». Так, заведующий кафедрой композиции проф. А.В.Чайковский придумал и осуществил проект «Музыкальные академии России». Этот грандиозный фестиваль предусматривает концертные поездки по России лучших музыкантов-студентов разных вузов, в том числе, конечно, и композиторов. Уже состоялись концерты в Москве и Питере, на очереди — Казань и Екатеринбург.

Действительно, ваша конкурсной активность возросла. А как обстоят дела с теоретическим образованием, с занятиями по специальности?

Излишне, наверное, говорить как о важности теоретического обучения композитора, так и о его специфичности. Ведь композиторское мышление — это прежде всего проблемное мышление, оно не ограничивается усвоением готовых рецептов. В связи с этим мы перестроили основные теоретические курсы полифонии, формы, гармонии, сделав в них акцент на максимальную близость к специальности. Не менее важна для композитора и оркестровка. У нас великолепная кафедра оркестровки, которую возглавляет профессор Е.М.Ботяров. Что же касается кафедры сочинения, то равной ей по охвату всего стилистического диапазона современной музыки я просто не знаю. Так замечательно, на мой взгляд, сложилось, что творчество каждого из профессоров заполняет в совокупности весь спектр имеющихся музыкальных средств: от условно правого фланга (опора на тонально ориентированную музыку) до левого (пост-сериализм, сонористика, алеаторика, спектральная музыка и т.д.). Каждый поступающий волен выбрать наставника по собственному вкусу!

Появились ли на факультете новые курсы?

В числе новых тенденций факультетского образования — усиление роли и значения современной музыки, знания ее новейших образцов. У нас образовалось целых три новых учебных направления, связанных с этой темой. Это курс «Современная композиторская лаборатория», организованный проф. А.В.Чайковским по типу мастер-классов; курс «Современная музыка», (начинание проф. В.Г.Тарнопольского и его кафедры), а также курс «Музыка и музыкальная философия К.Штокхаузена», который читает преподаватель М.Т.Просняков. Кроме того, сама жизнь диктует необходимость некоторых новаций. Факт, что мы совершенно не учим прикладной музыке, а ведь без этого композитору сейчас не прожить. В итоге мы отдали все пространство прикладной музыки, а это не только музыка в театре и кино, но и эстрада, реклама и т.д., на откуп полупрофессионалам, зачастую не имеющим ни вкуса, ни образования. Удручающий результат всего этого мы слышим каждый день по телевидению и радио. Поэтому мы по просьбе самих студентов решили ввести подобный курс, в чем нас очень поддержал Э.Н.Артемьев. Обещали выступить с лекциями Г.И.Гладков, А.Л.Рыбников и другие признанные мастера. Такого курса нет нигде, и он может стать интереснейшим и перспективным.

Картина вырисовывается самая радужная. Получается, у вас нет никаких проблем?

Действительно, мы живем дружно и целеустремленно, а вот что касается проблем... Проблемы есть, но они решаемые. Не все студенты регулярно ходят на лекции, пропускают занятия по фортепиано и симфоническому дирижированию, прогуливают уроки иностранного языка и физкультуры и т.д., с чем мы, конечно, не будем мириться. У нас совершенно акустически не оборудован класс композиции (№35), плохие колонки в других классах, расстроены рояли, есть проблемы с занятиями в общежитии ... Но, повторяю, все эти проблемы решаемы. И главную проблему решил ректор, заявив на недавно состоявшейся общевузовской студенческой конференции следующее: «Каждый студент оркестрового факультета обязан в течение пяти лет хотя бы раз сыграть камерное произведение студента-композитора». Наконец-то закончатся суета, судорожные поиски исполнителей и, главное, финансовые траты наших студентов! Это решение, поддержанное деканом оркестрового факультета проф. В.М.Ивановым и заведующим кафедрой камерного ансамбля проф. Т.А.Алихановым, может стать поистине историческим в жизни факультета, за что особая благодарность Александру Сергеевичу и всему руководству консерватории.

ШЕСТЬ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ ФАКУЛЬТЕТА

30 сентября. Малый зал. Концерт, посвященный творчеству ныне здравствующих композиторов кафедры и безвременно ушедших Е.Голубева и А.Пирумова, отличался разнообразием жанров, но отнюдь не напоминал стилистический калейдоскоп и слушался на одном дыхании. Философско-возвышенную сонату №10 для фортепиано Е.Голубева виртуозно исполнила Н.Баркалая. Очаровательную сюиту Е.Ботярова, где ярко ожили «Утренние прогулки», «Танец с балалайкой» и «Рассказ деда», выразительно сыграла Е.Яцюк. А.Ариян представил на суд слушателей неистовый Каприс в темпераментном исполнении скрипача Г.Казазяна. Соната для трубы и фортепиано В.Агафонникова (в исполнении В.Лаврика и П.Беляниной) с самого начала поразила энергией и мощью. Т.Чудова показала Концертную токкату, которую очень ярко сыграл композитор и пианист А.Ананьев. С первых же аккордов и до финала это сочинение держало зал в напряжении. Приятным сюрпризом стало исполнение композитором (и кларнетистом!) В.Масловым оригинального произведения Л.Бобылева «Ритурнели» для кларнета и камерного ансамбля. Достойно завершил концерт фортепианный цикл А.Пирумова в безупречном исполнении Н.Шимкунас.

8 октября. Рахманиновский зал. Произведения молодых композиторов играли ассистенты-стажёры ансамбля «Студия новой музыки». В исполнении А.Копленковой и Я.Судзиловского (оба исполнителя еще и композиторы!) колоритно прозвучал изысканный цикл пьес для скрипки и виолончели С.Ивановой (рук. проф. Т.А.Чудова). Я.Судзиловский исполнил также «Заклинание змеи» для виолончели соло А.Арияна, точно передав мелодические, тембровые и структурные находки автора. Три багатели для двух скрипок А.Сысоева (класс проф. Т.А.Чудовой) сыграли А.Копленкова и Е.Жданов. Музыка цикла запомнилась своеобразным использованием полифонических приемов, логически выверенным целым. «Ритмические алгоритмы» для ансамбля ударных Д.Суфияровой (рук. проф. Р.С.Леденев) прозвучали в исполнении А.Винницкого, А.Мартынова, Н.Зарубина и Г.Печеневского. Мы услышали неожиданный синтез современного слышания ударных инструментов и опоры на пентатонику татарской музыки. Радостным событием стало участие в концерте проф. И.П.Штегмана. Под его мастерским управлением прозвучал медитативный «Catharsis» для арфы, виолончели и фортепиано М.Романовой (класс проф. А.В.Чайковского). Под занавес было исполнено произведение А.Комиссарова «Девять хайку Кобаяси Исса» для тенора и камерного ансамбля. Сочинение привлекло оригинальностью замысла, интересными тембровыми сочетаниями и, безусловно, прекрасным исполнением солиста Е.Любимова. Запоминающаяся особенность концерта в целом — разнообразная палитра использованных стилистических средств и приемов.

12 октября. Большой зал. Концерт выявил естественную гармоническую связь разных музыкальных эпох и стилей. Звучала музыка Моцарта, Бриттена, а также профессоров композиторского факультета — Ю.Буцко, Р.Леденёва, А.Николаева. Лирическим центром вечера стало произведение Р.Леденёва «Con sordini» для альта и камерного оркестра. Характерные для стиля Леденёва немногословность, аскетизм и, вместе с тем, «смиренная красота» оказали магическое воздействие на слушателей. Особое ощущение времени, блестящее владение оркестром, гармоничность формы, яркие образы — черты, присущие Ю.Буцко, чье «Приглашение к вальсу» закончило 1-е отделение. Чистота стиля, классичность формы, светлое восприятие бытия — неповторимый почерк Алексея Николаева. В концерте принимали участие лауреаты российских и международных конкурсов Н.Кожухарь (альт) и С.Якович (скрипка), аспирант МГК А.Усов и студент А.Мазур (кл. проф. А.В.Корнеева), а также камерный оркестр МГК под управлением С.Дяченко. Уже в который раз этот дирижер заявляет о себе как о талантливом интерпретаторе современной музыки. Для него сотрудничество с композиторами не только интересное, но и ответственное дело, требующее максимальной творческой отдачи. Оркестр освоил программу широкого стилистического спектра в рекордно короткие сроки.

17 октября. Класс 21. Долгожданная встреча с Родионом Щедриным осуществилась благодаря усилиям музыковеда, доцента Е.В.Власовой и декана композиторского факультета проф. А.А.Коблякова. Мастеркласс начался «Вариациями на тему Паганини» М.Ченцова, авторское исполнение которых было особо отмечено Родионом Константиновичем. Первая часть Концерта для фортепиано с оркестром К.Бодрова (оба — класс проф. А.В.Чайковского) привлекла его внимание яркостью и динамичностью материала. Одобрил мастер и мистический колорит фрагмента из оперы «Тентажиль» по драме М.Метерлинка (автор — С.Неллер, класс проф. А.А.Коблякова), и возвышенную хоральность Фантазии для органа А.Гущяна (класс проф. Р.С.Леденева, исполнитель — К.Волостнов). «Agitato и Nervoso», пьеса для виолончели и фортепиано А.Кузнецова (класс проф. А.А.Коблякова), прозвучавшая в исполнении автора и С.Антонова, оказалась близкой по духу его ранним произведениям. Маэстро особо оценил в ней исполнительские приемы и отметил, что такое интересное произведение может стать репертуарным. Первая часть Концерта для фортепиано с оркестром Д.Суфияровой (класс проф. Р.С.Леденева) показалась ему вполне самодостаточной, не требующей продолжения. В целом Щедрина приятно удивили стилистическое разнообразие композиций, высокий уровень подготовки студентов, их способность к конструктивному мышлению. Поводом же для дискуссии послужило сочинение Д.Курляндского «Сокровенный человек» для голоса и камерного ансамбля (1-я премия Международного конкурса в Голландии). Мэтр, не жалующий авангард, оценил яркий колорит звучания в рамках, казалось бы, «стерильной» стилистики. И все же он предостерег от чрезмерного увлечения авангардом в связи с его оторванностью от массового слушателя, заметив, однако, что авангарду найдено прекрасное применение в музыке для театра и кино. Тема восстановления связи между композитором и слушателем была продолжена вопросом о роли «третьего направления». По мнению Щедрина, композитор, нашедший себя в этом течении, имеет шанс найти отклик и у слушателя. На вечный вопрос о будущем музыки он ответил: «Музыка будет жить. Сегодня она повсюду: в концертном зале, в СМИ, рекламе, кино, театре, автомобиле, даже в мобильном телефоне. Значит, люди в ней нуждаются, чем дальше, тем больше!».

2 ноября. Малый зал. Лауреат международных конкурсов Константин Волостнов (класс проф. А.А.Паршина) играл сочинения педагогов консерватории А.Пирумова, Р.Леденева, В.Кикты, Ю.Воронцова, И.Дубковой, Д.Дианова. Зарубежная часть программы включила произведения украинского классика Н.Колессы, американца Д.Гомпера и англичанина К.Лейтона. Надо отдать должное органисту — каждая пьеса была наполнена подлинным чувством, пониманием замысла композитора, а камерный орган Малого зала обретал порой несвойственную ему мощь. Удивили романтическая масштабность в Прелюдии и фуге Н.Колессы, пленила проникновенная лирика в Прелюдиях А.Пирумова, покорили эпический размах и фантастическая красочность Фантазии Р.Леденева и сюиты «Преображение» В.Кикты. В пяти пьесах из сюиты «Витражи» И.Дубковой ощущалась утонченность и лучезарность. Понравились «Три пьесы в сонорном стиле» Ю.Воронцова, специально написанные для этого концерта. Тепло встретили слушатели Сюиту из трех частей Д.Гомпера, созданную для презентации большого органа в г. Айова (США). Эффектно завершила этот масштабный и стилистически многоплановый концерт виртуозная токката «Perpetuum mobile» Д.Дианова.

1 декабря. Большой зал. Впервые выступление Большого симфонического оркестра было целиком посвящено произведениям выпускников композиторского факультета. Эта уникальная акция прошла по инициативе художественного руководителя и главного дирижера БСО В.Федосеева. Он не только самолично отобрал шесть сочинений для представления в рамках абонемента «Отечество мое — Консерватория!», провел репетиционную работу с оркестром, но и представил творения молодых на суд взыскательной общественности.

Концерт открыла симфоническая картина Е.Русановой-Лукас «Легенда Вавилона», рождающая целый ряд зримых ассоциаций. Поэтичными настроениями, богатством симфонических красок была пронизана фантазия «Ветер-полуночник» А.Комиссаренко. Хорошее впечатление произвела Симфония О.Алюшиной, заставившая с неослабевающим вниманием следить за внутренней логикой развития. Продолжительными аплодисментами завершилось исполнение «Фестиваля» аспиранта Пак Кюн Сина, темпераментной и динамичной пьесы, появление которой было приурочено к проходившему в 2001 году в Южной Корее чемпионату мира по футболу. Пожалуй, самым большим откровением стало исполнение «Аллегории синхронности» Т.Новиковой, выполненной в технике авангардного письма. И, наконец, последнее сочинение — оригинальная «Гипотетическая» симфония Д.Курляндского, которую автор многозначительно назвал «неоконченной»: окунув слушателей в море разнородных quasi-цитат, музыка внезапно обрывается... В целом, несмотря на налет академичности, произведения консерваторцев показали не просто высокий класс мастерства (в этом можно было не сомневаться!), но и несомненную талантливость, яркую стилистическую «многомерность».

Ольга Смоленская,
студентка III курса
Светлана Иванова,
ассистент-стажер
Кузьма Бодров, Иван Ипатов,
студенты IV курса
Валерий Лавров, ассистент-стажер
Анна Михайлова, студентка II курса
Татьяна Егорова,
доктор искусствоведения

IN MEMORIAM

Татьяна Васильевна — Таня Чередниченко (1.9.1952 – 28.11.2003) пролетела по нашей жизни, как метеор, разжигая невозможное зарево. Невозможными казались ее начинания. Подвижная, живо-смешливая и всегда одетая как вспышка, она напрашивалась на легкомысленные определения, но стоило с ней заговорить, и все наши интеллектуальные способности переключались на высший режим, а известные факты приобретали остроту сенсации. Она всех незаметно учила извлекать неиспользованную взрывную силу из давно слежавшихся картинок нашей памяти. Разговор с ней заставлял оживать сокровенности вашей эрудиции, отложенные на черный день. Шагая по коридорчику своей специализации, она безбоязненно открывала запрещенные двери, ведущие в иные сферы. Еще пианисткой в ЦМШ она всерьез увлеклась музыковедением, а поступив на музыковедческую специальность в консерваторию, открыла для себя и философию. Единение музыки и философии привело к созданию двух блестящих дипломных работ — о кантатах И.С.Баха и о критериях художественной ценности в музыке. Последняя работа стала предметом жесткой полемики... в среде профессуры прямо на защите. Этот текст, кстати, до сих пор должным образом не оценен. Но зато его сразу после защиты быстро оценил политически продвинутый профессор Борис Ярустовский, отославший донос в верхи компартии о том, что дипломная работа Т.Чередниченко — идеологическая диверсия. Его главный аргумент: в работе нет цитат из текстов В.Ульянова-Ленина! Но истинная причина его выпада была другая: ведь было ясно, что юная умница вскоре станет видным русским ученым, а такого ему допускать нельзя.

Судьба распорядилась по-иному. Ей вскоре присудили две ученые степени в разных специальностях. Но ее не удерживали и эти рамки. Таня излила целый фейерверк остроумия в своем либретто к лучшему русскому мюзиклу — «Медведь» Глеба Седельникова. Она вела культурологические дебаты на телевидении, первой из выпускников консерватории стала экспертом по массовым жанрам, сама пела как рок-певица (приглашала и меня к таким экспериментам, мы с ней напели фонограмму одного фильма), вступала в богословские споры, писала новую версию либретто «Князя Игоря» для новой постановки в редакции Е.М.Левашева, читала лекции о музыке в МФТИ (их не пропускали ни студенты-физики, ни проректор, появлявшийся в Таниной аудитории даже со сломанной ногой, в гипсе, лишь бы выслушать все).

За что бы она ни взялась, все высвечивалось неожиданным смыслом. Ее громадный ум был не женским, да и превосходил большинство мужских умов, но сама она обращалась со своим умом ох как по-женски!

По жизни Таня шла, вместе с тем, не парадным шагом. Были у нее и едкие недоброжелательницы и недоброжелатели. Но никто и никогда не слыхивал от нее дурных слов о ком бы то ни было. Если кто-то досадил ей, Таня только горьковато смеялась и писала эпиграммы, писала «в стол».

Даже серьезная болезнь не сделала ее угрюмой. Она не уставилась в одну точку, а быстро продвинулась в медицинской специальности и дружески полемизировала с опытными врачами. С каким блеском вышла она из этих дискуссий в статье «Онкология как модель» (в «Новом мире»)! Ведь смысл статьи не в истории ее мытарств, а в неожиданных идеях — выкликах всему русскому обществу. Выкрик этот для тех, кто остался жить.

Услышим ли мы?

Михаил Сапонов

Профессор кафедры истории зарубежной музыки доктор искусствоведения Виктор Пайлакович Варунц ушел из жизни (6.09.2003) внезапно, в расцвете творческих сил, полный замыслов и планов. Друзья и коллеги называли его Виктором Павловичем. Ученый был широко известен своими источниковедческими исследованиями не только в России, но и за рубежом. Еще в своих ранних работах — в кандидатском исследовании «Музыкальный неоклассицизм» и в сборнике материалов о дирижере Николае Аносове В.П.Варунц точно наметил тематику и направление своих будущих изысканий. Его сборник «Прокофьев о Прокофьеве» открыл новые стороны личности и творческой биографии великого русского музыканта XX века.

Однако сердцевиной научной, источниковедческой деятельности В.П.Варунца стал сбор материалов и документов к биографии И.Ф.Стравинского. Вклад ученого в этой сфере огромен — это и фундаментальный сборник интервью и статей композитора «И.Ф.Стравинский — публицист и собеседник», и, наконец, прекрасные тома переписки Стравинского с его русскими корреспондентами, включившими и ценнейшие материалы к биографии композитора. Три тома вышли при жизни Виктора Павловича, четвертый подготовлен им к печати. Его выступления на защитах, диспутах и конференциях отличались вдохновенной выстраданностью и особым творческим темпераментом. В них было все, кроме равнодушия.

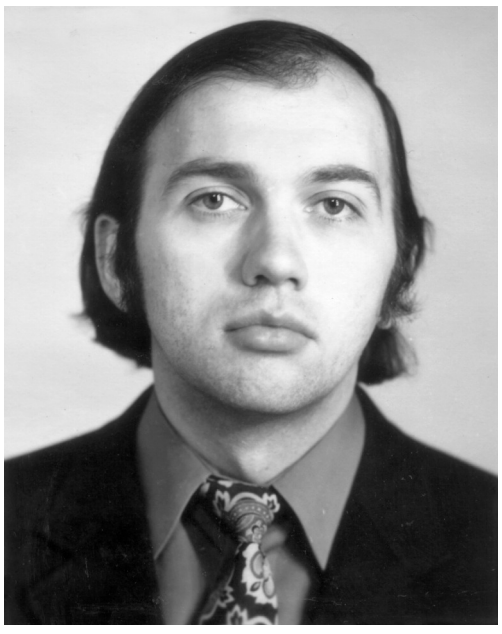
Кафедра истории зарубежной музыки вскоре после кончины своего коллеги собрала в Конференц-зале всех, кто знал и любил Виктора Павловича. Все выступали без заранее заготовленной программы, слова шли от сердца. А потом студенты-хоровики дали рядом с портретом В.П.Варунца небольшой, но трогательный концерт хоровой музыки, посвятив его любимому педагогу.

Кафедра истории зарубежной музыки Московской консерватории

Нужно ли сейчас говорить о том, КАК Витины книги ожидались и ЧЕМ становились для нас. Я видела, КАК их брали в руки западные специалисты. Масштаб и значимость того, что он делал, были огромными. У Вити были очень обширные планы. Совсем недавно он начал работать над библиографией Шостаковича (по материалам периодики). Я была рада и горда представить его Ирине Антоновне Шостакович, и Витя стартовал. Это было ЕГО дело! Он мечтал сделать такую же работу по Прокофьеву и Рахманинову.

В Петербурге у него было много близких друзей. Здесь его всегда ждали, наслаждались его докладами, дорожили его непосредственностью, импульсивностью, горячностью, субъективностью, предвкушали эмоциональные взрывы. Студенты собирались «на Варунца», когда он приезжал на дипломные защиты в качестве председателя Государственной комиссии или когда он бывал оппонентом на кандидатских защитах.

Он страшно нравился молодежи, был очень «в своем роде», совсем ни на кого не похожий, ничуть не боявшийся предвзятости своих суждений. Нередко дискуссия с дипломником плавно перетекала в дискуссию с председателем госкомиссии — во всяком случае, я никогда не отказывала себе в этом удовольствии. У Виктора Павловича были очень дружественные отношения со всеми моими бывшими учениками — они им восторгались, проявляли постоянное благодарное внимание к его трудам, обсуждали с ним детали, советовались; а когда дело касалось Стравинского и Прокофьева, я охотно отправляла их к нему за советом, бесценным советом. Мои, как по команде, приходили слушать Варунца, когда он приезжал (ни приглашать, ни уговаривать не приходилось).



Как Витя знал Петербург! Несравнимо лучше нас, петербуржцев. Особенно места в Коломне, близ Мариинского театра, дома Стравинских и Направников, места Римского-Корсакова и Бенуа. Когда мы проходили мимо этих домов, он ни о чем другом, кроме деталей меблировки, соседства, перипетий родства и фамильных историй, не мог говорить. Будто он сам живал здесь. Я спрашивала его, в чьих апартаментах он сегодня ночевал — настолько детально он мог в своем воображении восстановить эти места. А уж родственные связи! — тут он был неподражаем. Когда они разговаривали с Еленой Алексеевной Стравинской, было полное впечатление, что беседуют два члена одной семьи.

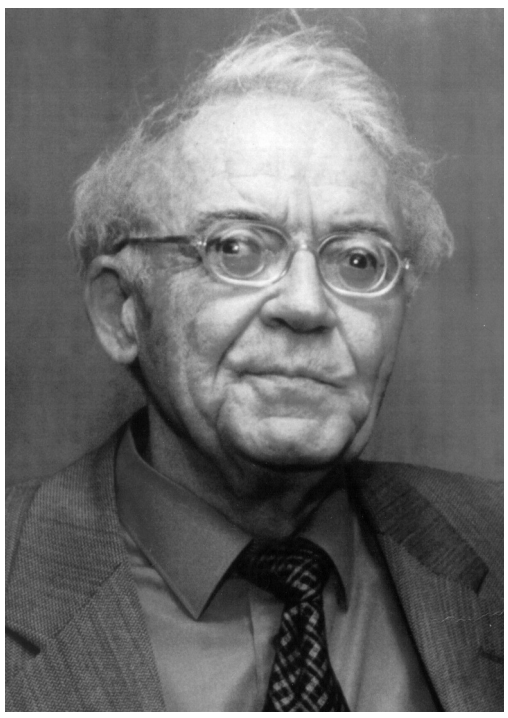
Витя был фантастическим трудоголиком. Он обожал свою профессию, боготворил сам тип материала, с которым он работал, восторгался находками — своими и чужими. Его очень любили архивисты и билиотекари — люди переборчивые в своих симпатиях. И даже столь несимпатичные коллеги, как в Базельском институте Стравинского, улыбались при имени «Варунц».

Мы потеряли чудесного редкостного друга — его самого и его будущие труды. И то, и другое — огромное горе и невосполнимая утрата. Светлая ему память.

Людмила Ковнацкая, профессор Санкт-Петербургской консерватории

Прошло время, которое, как выяснилось, не лечит. Из жизни ушел профессор Михаил Леонович Межлумов — человек, сделавший меня музыкантом. Он не проповедовал, не увещевал, не давил. Он просто любил музыку, любил нас, но никогда никого не выделял, ни на кого не делал ставку, как на бегах. Он был с нами во время неудач, становился гораздо незаметнее в момент успехов. Ему были органически противно ячество, «бронзовость», маститость. Он искренне недоумевал, зачем это все нужно? Я все еще слышу его голос, и не только я. Он ушел, и осталась загадка — что это было, кто был с нами?

Как проходил урок, словами передать трудно. Потому что слова были самые обычные, даже обыденные. Учил думать, оценивать себя и других без обид. «Ты на меня не обиделась?» — была его любимая фраза. Потому что для него было действительно важно не обидеть, не сломать, не раздавить. Правда, в эту как бы обыденность постоянно и незаметно вкраплялись бесценные советы, находки, прозрения, которые подавались в свойственной ему простой и необременительной манере. И непонятно каким, во-многом таинственным для меня образом, все становилось понятным, все получалось. Сегодня уже стало банальным сравнивать рояль и человеческий голос. Пользуясь своим неподражаемым умением из всего формального извлекать пользу, он не стеснялся показывать, как на самом деле нужно спеть тот или иной кусок, часто для пения и не предназначенный. Он учил петь, как говорить — естественно, и это никого отношения не имело к вашим вокальным данным. Он давал почувствовать смысл. А рояль, как верный слуга, должен был отозваться. И ты сама, без посторонней помощи (часто он прибегал и к такому «возвышающему обману») понимала, как это можно сделать.



К каждому из нас он искал свой подход, умел порадоваться за тебя всем сердцем, умел придать уверенности именно в тот момент, когда казалось, что все безнадежно. И наоборот, когда тебе казалось, что ты все поняла и знаешь, неподражаемо и без усилий мог ставить на место. Любовь и терпение — вот главное, чему он нас учил. Он все прощал, кроме не-любви, кроме равнодушия к музыке, к себе самим. Он не выносил прозы, хотя и никогда не злоупотреблял красивыми словами. Особенно не выносил «прозу» в звуке, потому что Музыка была для него живой, она дышала, сердце ее билось, как бьется у нас самих.

Лишь две вещи вызывали в нем откровенный трепет — текст музыкального произведения и рояль. Не склонный к пафосным сравнениям, он как-то назвал при мне нотный текст Священным писанием, Библией. Вот его он всю жизнь читал и перечитывал, «достигал, находил, проверял...». Это слова из его лексикона.

Часто мы, и не только мы, не понимали его. Многое казалось странным, необъяснимым, спонтанно-необязательным. А теперь все по-другому. Его нет и видишь все со стороны. Видишь, что в жизни нет ничего случайного, и то, что казалось спонтанным и странным — есть следствие огромной внутренней работы. Что бескорыстие — бесценно, особенно, когда оно исходит от тех, кому есть что отдать.

Нино Баркалая

При перепечатке ссылка обязательна

Адрес: 103871 Москва ул. Б.Никитская, 13. E-mail: rio@mosconsv.ru
Интернет: http://www.mosconsv.ru/rus/newspaper

Главный редактор проф. Т.А.Курышева
Редактор С.В.Наборщикова
Оригинал-макет: Д.О.Чехович
Верстка: 14.02.2004
Тираж 300 экз.